

Нелегальное издание.

Авторы - Лев. Ал-дрович
Тихомиров и Петр. Алекс.
Кропоткин.

На риб. л. свидетельства
изд. 2ое, тип.-лит. Н.И. Кассова
1871. - фирменные. На обороте
риб. л. Высочайшее
цензурное дозволение

В действительности
Браселора калетибана
в Жамеке, в лист. кружка
Зайковцев, в 1874 г.

В. Павлов

Ир 30 $\frac{Б-1}{3}$

ЕМЕЛЯНЪ ИВАНОВИЧЪ ПУГАЧОВЪ

ИЛИ

БУНТЪ 1773 ГОДА.

Не всякій уменъ, кто въ краснѣ
наряженъ, а бываетъ съ умомъ и
не красный Пахомъ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.

Въ Типо-Литографіи Николая Ивановича Кассова.

Б. Ловрентьевка, д. Пивцова.

1871.

Дозволено цензурю. Москва, 2 Мая 1871 г.

Печатано съ изданія 1869 г., безъ перемѣны.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сто лѣтъ прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ надъ Россіей, словно гроза божія, разразилась Пугачевщина. Страшное это было время для всѣхъ утѣснителей народа, но за то радостное для угнетенныхъ крестьянъ. Какъ волны морскія въ бурю, поднялись тогда толпы крестьянъ и рабочихъ, и стали истреблять всѣхъ своихъ злыхъ враговъ, всѣхъ дворянъ, помѣщиковъ, управляющихъ, прикащиковъ, поповъ и всякое начальство. И прогремѣло тогда по всей Россіи, изъ конца въ конецъ, имя удалого бойца за волю народную, имя Емельяна Ивановича Пугачева.

Долго куражились надъ Русскою землею дворяне и начальство, долго они на всей своей волѣ тѣшились надъ мужикомъ сиволапымъ. И мужикъ терпѣлъ, все терпѣлъ, стоналъ кровью и слезами обливался, стоналъ втихомолку. Наконецъ не стало мочи.

Кликнулъ кличъ на всю Русь-Матушку уда-
лой козаекъ Емельянъ Пугачовъ, и отозвался на
этотъ кличъ русскій мужикъ. Поднялъ мужикъ
свою буйну голову, тряхнулъ своими плечами мо-
гучими, и посыпались во всѣ стороны его му-
чители, словно карлики, словно мошка мелкая.
Полетѣли во всѣ стороны головы дворянскія,
полилась ручьями ихъ кровь благородная.

Народъ проснулся во всемъ гнѣвѣ своемъ, и
началась кровавая расправа, и отплатилъ онъ
дворянамъ за все. Отлились волку овечьи слезы!

Перепугались дворяне, перепугались началь-
ники, перепугалась сама императрица... Увида-
ли они, что наступаетъ конецъ ихъ царству, что
всѣмъ имъ гибель, всѣмъ одна веревка вьется,
на всѣхъ одинъ топоръ точится. И собрали
они всѣ силы свои, собрали деньги, собрали
оружіе, собрали войско и вышли супротивъ сѣ-
рыхъ мужиковъ на страшный бой, на послѣдній
бой.

Сплоховали тутъ крестьяне: не сѣумѣли они
дружно за дѣло до конца постоять. Взяло верхъ
надъ ними дворянское войско, и пришлось му-
жикамъ разбѣжаться во всѣ стороны, по раз-
нымъ дорогамъ; только всѣ дороги къ одному
мѣсту сошлись къ острогу, да каторгѣ. Сокру-

шилася сила крестьянская, и до поры, до времени заснул мужикъ опять непробуднымъ сномъ.

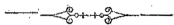
А удалой казакъ Пугачовъ угодилъ въ деревянную клѣтку, а изъ клѣтки въ острогъ и на плаху; и срубили ему буйну голову, отрубили руки и ноги, чтобы впредь и другимъ неповадно было идти противъ баръ и чиновниковъ.

Прошло сто лѣтъ съ той славной поры. Спитъ народъ по прежнему, и сталъ ужъ онъ забывать своихъ удалыхъ бойцовъ. Кто нынѣ помнитъ про Чикю, про Хлопушу, про Овчинникова и другихъ? Самого Пугачова еле помнятъ, да и то считаютъ его чуть не разбойникомъ. Плохо помнить народъ свою славу, плохо помнить онъ тѣхъ, кто всю жизнь за него отдалъ! Не такъ дѣлаютъ богачи и дворяне. У нихъ съизмальства, даже малаго ребенка учать, чтобы зналъ онъ всѣхъ, кто старался для богачей и дворянъ порадовать.

Знаютъ ли крестьяне, почему не удалось Пугачову довершить свое дѣло? Знаютъ ли крестьяне какія тогда ошибки сдѣланы? Нѣтъ, они этого не знаютъ. И если вскорѣ снова они подымутся за землю и волю, то снова надѣлаютъ тѣхъ же ошибокъ, и ихъ снова побьютъ, какъ побили Пугачова съ товарищами. Дворяне же

учатся тому какъ дѣйствовали ихъ отцы и дѣды, какія они ошибки дѣлали, и сами ужъ навѣрное такихъ ошибокъ въ другой разъ не надѣлаютъ, потому то они и властвуютъ надъ темнымъ мужикомъ.

Для того я и пишу эту книгу, чтобъ напomenить народу о его заступникахъ; чтобъ показать почему ихъ дѣло не выгорѣло, и какъ долженъ дѣйствовать народъ, чтобы впередъ сѣизнова не прогорѣть.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Сто лѣтъ тому назадъ въ Россіи царствовала императрица Екатерина Вторая. Придворные, дворяне и богатые люди прозвали ее Великою.

Это они разсудили вѣрно. Для нихъ, Екатерина была точно великая и добрая государыня; она дала дворянамъ всякія права, и наградила всякими своими милостями. Вотъ, если бы народъ давалъ свои прозвища царямъ, то онъ непременно назвалъ бы Екатерину—Проклятою, либо Жестокою, потому что никогда еще не приходилось народу такъ плохо, какъ при этой царицѣ. Къ мужикамъ у ней не было ни какой жалости; она ихъ хуже татаръ обирала, она истребила народа больше, чѣмъ любая чума или холера.

Екатерина Вторая очень любила почетъ и хотѣла, чтобы всѣ государи боялись и уважали ее. Изъ за этаго она все воевала, со всѣми сосѣдними царствами, всѣхъ побѣдила, и у всѣхъ отнимала земли. Однимъ словомъ, она страхъ и

ужась нагнала на всѣхъ иноземныхъ царей. И по сердцу было это Екатеринѣ: она радовалась и величалась. Радовались и дворяне русскіе. И не диво: на войнѣ они были все офицерами, генералами, начальниками, и получали за побѣды много орденовъ, чиновъ, денежныхъ наградъ и помѣстій.

Много въ награду своимъ любезнымъ дворянамъ раздала царица Екатерина земель съ казенными крестьянами, много вольныхъ людей отдала она имъ въ крѣпость. Такъ не мудрено что дворяне радовались, пиры задавали праздновали побѣды, и славили свою великую государыню. Они и по сію пору ее помнятъ, и въ нынѣшнемъ году памятникъ ей въ Петербургѣ поставили.

Екатерина хотѣла, чтобы всѣ государи удивлялись ея богатству и великолѣпію. Для этого она строила богатѣйшіе дворцы, убирала ихъ серебромъ, золотомъ и драгоценными камнями; устраивала чуть не каждый день праздники, пиры и гулянки. Развела около себя цѣлыя своры придворныхъ. Всѣ они были разодѣты въ шолкъ да бархатъ, жили тоже въ дворцахъ, ѣли на золотѣ да на серебрѣ и говорили на иностранныхъ языкахъ, все больше по французски.

Императрица хотѣла, чтобы вокругъ нея все было богато, пышно, шумно и весело; и для этого раздавала дворянамъ земли съ крестьянами. Не одну сотню тысячъ душъ человѣческихъ отдала она въ крѣпостные господамъ. И господа собирали съ мужиковъ денежки, а потомъ прокучивали ихъ въ Питерѣ на разные роскошества.

Екатерина Вторая хотѣла, чтобы вокругъ нея было обращеніе тонкое, деликатное; поэтому она завела для дворянъ много разныхъ школъ; въ этихъ школахъ дворяне обучались французскому языку, пляскамъ, вѣжливости всякой и хорошему обращенію.

Любила она и книжку почитать, и за то награждала многихъ писакъ что для нея книжки и стихи сочиняли. Только и здѣсь она тоже себя соблюдала: кто хвалилъ ее въ своихъ книжкахъ тѣхъ она всячески награждала; а если кто писалъ, что не все хорошо въ Русскомъ царствѣ; что хорошо, молъ, о дворянахъ заботиться, да надо и объ мужикѣ малость подумать, ну, такихъ писателей Екатерина не больно жаловала. Одного, Радищева, въ Сибирь отправила за такую книжку; другого, Новикова, въ тюрьму посадила; третьяго, Княжнина, казнить даже хотѣла, да онъ не дождался казни, а самъ умеръ.

Стало быть кто стоялъ за крестьянъ, тотъ долженъ былъ молчать. А разные блюдолизы и придворные прихвостни — Державинъ и другіе въ своихъ книжкахъ взапуски восхваляли великую свою императрицу. А Екатерина читала, да похваливала.

Весело и шумно жили тогда дворяне. Они были богаты, роскошничали и веселились. Во дворцѣ — да въ Питерѣ постоянно задавали пиры, да праздники.

Но не радовался народъ этимъ радостямъ. Не радовался онъ ни войнамъ царскимъ, ни пирамъ, ни веселостямъ. Всѣ эти войны ложились на крестьянскую же шею. Солдаты гибли какъ мухи во всѣхъ этихъ войнахъ, въ сраженіяхъ, а еще пуще того отъ болѣзней. На мѣсто убитыхъ и умершихъ брали новыхъ рекрутовъ. И приходилось матерямъ разстаться со своими сыновьями, женамъ съ мужьями, невѣстамъ съ женихами... Рѣдкое семейство не справляло панихидъ по убитымъ. Императрицѣ на ее войны нужно было много солдатъ, она стала брать ихъ вдвое больше, чѣмъ брали до нея прежніе цари.

Не радостны были для мужиковъ и пиры дворянскіе, и ихъ праздники, и ихъ дворцы богатые. На все это драли оброки — и все съ тѣхъ

же мужиковъ. Съ нихъ бралъ баринъ послѣднее, лишь бы жить пыщнѣе. Чтобы барину въ каменныхъ палатахъ жить—разоряли сотни избъ крестьянскихъ; чтобы барину на дорогахъ рысакхъ кататься—сколько нужно было крестьянскихъ лошадей продать; а сколько народу безъ хлѣба оставалось, чтобы баринъ могъ заморскими явствами обжираться! При всѣхъ этихъ поборахъ да тягостяхъ крестьянамъ было больно не весело.

Опять же при Екатеринѣ множество казенныхъ крестьянъ перешли къ господамъ. Прежде значить были все таки вольными людьми, а при ней стали крѣпостными рабами. Сколько ихъ въ рабство пошло—трудно сказать, только не мало. Много сотъ тысячъ—надо думать, потому что Екатерина часто дарила сразу по пяти, да по десяти тысячъ крестьянъ, и даже больше.

Поборы казенные стали при Екатеринѣ вдвое больше, чѣмъ прежде,—не плоше нынѣшнихъ—И довели они этими поборами казенныхъ крестьянъ до полного разоренія.

Господскимъ крестьянамъ—при Екатеринѣ—было еще хуже. При ней помѣщики получили всѣ права надъ крестьянами, и могли съ ними дѣлать все, что хотѣли. Крестьянинъ былъ какъ есть рабъ своего помѣщика, ровно лошадь казая.

Онъ обязанъ былъ исполнять все, что ему баринъ прикажетъ; долженъ былъ уплатить все что спорситъ баринъ. Его били, всячески оскорбляли, и онъ не смѣлъ жаловаться. Да жаловаться и некуда было: для господскихъ крестьянъ совѣмъ суда не было. А если они осмѣливались жаловаться высшему начальству, ихъ жестоко наказывали. Даже тѣхъ, кто писалъ крестьянамъ челобитную, судили и наказывали.

Такъ вотъ было съ крестьянами генеральши Леонтьевой; она до того измучила жестокостями своихъ дворовыхъ и крестьянъ, что они рѣшились подать жалобу самой императрицѣ. Екатерина прочла жалобу, но не поздоровилось отъ этого бѣднымъ челобитчикамъ. Въ наказанье ихъ сѣли на площадяхъ и по разнымъ деревнямъ для примѣра прочимъ; а потомъ сослали въ каторгу въ Нерчинскъ. Тоже самое было съ крестьянами генеральши Толстой, полковника Лапухина и другихъ помѣщиковъ.

Послѣ этихъ жалобъ императрица издала законъ, чтобы крестьяне не смѣли ни въ какомъ случаѣ жаловаться на господъ; если же пожалуются, то будутъ наказаны: за первый разъ — жаловщика накажутъ ссылкой въ каторгу на одинъ мѣсяцъ; за второй разъ — кнутомъ

и на годъ въ каторгу; а за третій — опять бнуть и въ каторгу на вѣчно. А чтобы помѣщикъ отъ этаго убытку не потерпѣлъ, что у него одного человѣка сошлютъ, такъ ему начальство выдавало за этаго ссыльнаго зачетную рекрутскую квитанцію.

Послѣ такого закона значить уже жаловаться было невозможно. А между тѣмъ и терпѣть было трудно. Но помѣщики имѣли такія права, что поневолѣ приходилось терпѣть. Помѣщикъ по закону имѣлъ право отдавать крестьянина, для наказанья, въ рекруты на три года. Могъ также безо всякаго суда сослать его въ каторгу на время, а потомъ опять къ себѣ взять. И доставка мужика на каторгу и обратно къ барину и все содержаніе мужика за это время, пища, одежда — все было отъ казны. Такъ что помѣщику стоило только послать за становымъ и сказать ему: „желаю молъ, этого своего крестьянина на каторгу отправить,“ и крестьянина ссылали, безо всякихъ хлопотъ и расходовъ для помѣщика.

А кромѣ того помѣщикъ могъ ссылатъ крестьянъ въ Сибирь на поселенье, если они въ чемъ прогнѣваютъ его милость. А чтобъ баринъ убытку и отъ этого не терпѣлъ, такъ ему вы-

давались за каждаго сосланнаго деньги изъ казны: 20 рублей за холостаго, и 15 рублей за женатаго, и за каждаго еще выдавалась зачетная рекрутская квитанція. А въ то время и вся то цѣна за душу крестьянскую была 30 рублей, если мужиковъ съ землей покупали. Тутъ же баринъ получалъ 20 рублей, да квитанцію, да и земля при немъ оставалась. Такъ оно и выгодно выходило помѣщику посылать крестьянъ цѣлыми тысячами въ Сибирь. Крестьяне пускай гибнутъ тамъ отъ голоду и холоду, а у барина были деньги, и онъ весело кутилъ съ пріятелями.

При такой власти, помѣщики, конечно, драли съ крестьянъ послѣднее. А когда крестьяне не могли добыть съ земли оброковъ, такъ и должны были уходить на заработки въ чужую сторону, какъ и нынѣ бываетъ. Но помѣщики не только обирали крестьянъ; они еще всячески ругались надъ ними и обращались съ ними хуже, чѣмъ съ животными. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ помѣщики всякую невѣсту на первую ночь себѣ брали; часто они отнимали женъ отъ мужьевъ... А женихи и мужья выносили это съ бараньимъ терпѣньемъ! Это время будетъ на вѣкъ позоромъ и стыдомъ для русскаго народа. Прокляты будь

безстыжіе помѣщики! Только стыдъ и позоръ тѣмъ, кто терпѣлъ безъ отместки, потому что терпѣли и терпятъ не отъ безсилія, а отъ своей же трусости.

Надо сказать и то, что не всегда ужь спокойно терпѣли крестьяне всѣ эти безобразія. Во многихъ мѣстахъ имъ не въ терпѣжъ становилось и они бунтовали. При Екатеринѣ этихъ бунтовъ было множество съ начала до самаго конца ея царствованія, и бывали они по разнымъ концамъ Россіи. Въ самомъ началѣ ея царствованія начался бунтъ въ тверскомъ и клинскомъ уѣздахъ у многихъ помѣщиковъ. Начальство, какъ и слѣдуетъ быть, заступилось за помѣщиковъ и послало туда войско; крестьяне умирились. Но въ то же время взбунтовались крестьяне села Воскресенскаго, Вяземскаго уѣзда... Когда явилось войско, крестьяне ударили въ набатъ, собрались огромной толпой и стали биться съ солдатами. Солдаты стали изъ пушекъ стрѣлять; 40 чело-вѣкъ крестьянъ было убито и ранено; подъ конецъ они не выдержали и побѣжали. Тогда, конечно, начались всякія истязанія надъ мужиками. Ихъ начали допытывать, кто зачинщикъ, кто бунтовалъ ихъ. И множество народа сослали въ Сибирь.

Въ 1762 году въ Казанской губерніи крестьяне графа Шувалова отказались работать на барина, не захотѣли барщины отбывать. Однако начальство успѣло уговорить ихъ, и хотя съ трудомъ, но возстановило спокойствіе. Въ слѣдующемъ 1763 году, бунтъ начался уже въ Московской губерніи, между крестьянами Данилова и Воскресенскаго монастырей. Сколько не уговаривало ихъ начальство, ничего не могли сдѣлать. Тогда послали войско. Крестьянъ побили, зачинщиковъ сослали въ Сибирь, а остальныхъ пересѣкли.

Послѣ бунтовали въ Тамбовской губерніи крестьяне Фролова-Багрѣева и другихъ помѣщиковъ. Это было въ 1766 году. Войско послали усмирять бунтъ, да долго ничего не могли сдѣлать. Офицеровъ и 12 человекъ солдатъ перебили. Подъ конецъ однако крестьянъ все таки усмирили.

Въ 1771 году былъ опять бунтъ въ Олонецкихъ заводахъ.

Въ 1772 году былъ бунтъ въ Царицынѣ. Въ томъ же самомъ 1772 году начался бунтъ между уральскими казаками. Въ то время они еще назывались Яицкими, по Яику-рѣкѣ. Казаки до того жили совсѣмъ вольно, сами выбирали

своихъ атамановъ и старшинъ, сами промезъ себя управлялись, податей никакихъ не платили въ казну и жили хорошо. Но начальство помаленьку стало прибирать и ихъ къ рукамъ. Цари стали посылать туда начальство отъ себя. Ну и Екатерина послала на Ливъ-рѣку генерала Траубенберга.

Траубенбергъ сталъ обижать казаковъ и прикрывать мошенничества ихъ старшинъ. И довелъ онъ казаковъ до того, что они собрались толпой въ семь тысячъ человекъ. Пошли къ нему и стали ему кричать: „скажи въ послѣдній разъ, разсудишь ты когда нибудь насъ по совѣсти или нѣтъ!“ — Въмѣсто отвѣта, Траубенбергъ выслалъ противъ нихъ солдатъ, но казаки разбили его солдатъ, убили его самого и нѣсколькихъ старшинъ, а имущество ихъ разграбили. Въ этомъ бунтѣ участвовалъ также Максимъ Шигаевъ; послѣ онъ былъ атаманомъ у Пугачева.

Узнавши про бунтъ, Екатерина послала усмирять казаковъ генерала Фреймана съ войскомъ. Фрейманъ разбилъ казаковъ, многихъ изъ нихъ казнилъ, другихъ въ тюрьмы посажалъ, 140 человекъ на каторгу отправилъ, а многихъ отдалъ въ солдаты (только они всѣ убѣждали со

службы); остальныхъ же, кто грабилъ домъ Траубенберга, обложилъ тяжелымъ штрафомъ.

Было много и другихъ бунтовъ. Бунтовали и раскольники, бунтовали горнозаводскіе рабочіе, бунтовали татары, башкиры, тунгусы; однимъ словомъ — трудно даже перечислить всѣ бунты, при Екатеринѣ Второй.

Плохо жилось крестьянамъ въ то время, да врядъ ли лучше было и городскимъ жителямъ, конечно бѣднымъ; богатымъ — другое дѣло — тѣмъ вездѣ и всегда жить хорошо. Городскихъ жителей пуще всего разоряли притѣсненія начальства. Всѣхъ приходилось уболаговорить: и губернатора, и послѣдняго приказнаго. Ни купить, ни продать ничего нельзя было, не давши начальству взятки.

Безъ взятокъ никакъ нельзя было добиться правды въ судѣ. И судиться — было сущая бѣда. Судовъ такое множество развелось, что человѣкъ неученый никакъ не могъ сообразить, куда ему идти, въ какой судъ. Были тогда: узднне суды, нижнія расправы, городовые магистраты, нижніе земскіе суды, верхніе земскіе суды, губернскіе магистраты, верхняя расправа, уголовная палата, гражданская палата, казенная палата, суды сиротскіе,

суды совѣстныя, а пуще всего было судовъ безсовѣстныхъ. Однимъ словомъ, чуть не для каждаго человѣка былъ особый судъ. Для дворянина одинъ, для купца другой, для казеннаго крестьянина третій; только противъ помѣщиковъ, противъ дворянъ, да противъ начальства никакого суда не было. Придетъ неученый человѣкъ, мѣщанинъ либо мужикъ, въ одно мѣсто, ему говорить: „не сюда должна идти твоя просьба, проваливай!“ — поидеть онъ въ другой судъ — опять не сюда. Въ третій — опять неладно. Плюнетъ наконецъ и махнетъ рукой: „пропадай, молъ, вы съ вашими судами!“ — да и поидеть во свояси ни съ чѣмъ. Либо значить долженъ, все равно какъ теперь, какого нибудь приказнаго, адвоката, просить, чтобъ тотъ разъяснилъ ему, что и какъ дѣлать. Ну, приказная строка и начнетъ изъ него соки выжимать. И дѣло то не сдѣлаетъ, а оберетъ какъ липку, до ниточки. Разоренье одно съ этими судами было. Чиновникамъ тоже нужно было взятки давать, такъ что бѣдному съ богатымъ никакъ было невозможно судиться.

Это первое; второе-то, что на судахъ при допросахъ пытали людей. И истца и отвѣтника сѣбли кнутомъ, чтобъ они правду говорили. Кто

больше, значить, вытерпѣть, тотъ и правъ. Иной человѣкъ, можетъ, и правъ, да кнута вытерпѣть не можетъ; ну и крикнетъ, что, молъ, виновать, только бить перестаньте. А другой и виновать, да шкура у него, что у лошади: его бьютъ, а онъ все, знай, свое повторяетъ: „знать, молъ, не знаю, вѣдать не вѣдаю; ни въ чемъ не виновать“ — ну и правъ оставался.

Стало быть, судиться въ тѣ времена было трудно. Богатый и знатный человѣкъ всегда могъ задарить судьей, а бѣднаго судьи пыткой заставляли виниться, хоть онъ будь вовсе святой.

Но хуже всего въ тогдашнее время приходилось раскольникамъ. Оброкъ съ нихъ брали двойной; всякій начальникъ могъ ихъ сажать безъ суда въ тюрьмы — да остроги, и поэтому всякій норовилъ съ нихъ деньгу заплучить. Попы тоже обирали ихъ, а коли раскольники мало давали, попь могъ имъ всякую пакость подстроить. Ихъ силой обращали въ православіе, ломали ихъ молельни и церкви, и всячески притѣсняли. Раскольники наконецъ не могли терпѣть такого гоненія и бѣжали въ большомъ числѣ за границу. Императрица тогда стала просить ихъ вернуться и обѣщала больше не притѣснять. Раскольники съ дуру и повѣрили, а когда вер-

нулись въ Россію, такъ ихъ стѣснили пуще прежняго.

Поны тѣснили не только раскольниковъ, но и весь православный народъ. Они забыли, что сказано въ Св. Писаніи: „пастырь добрый душу свою за овецъ полагаетъ“, а они на мѣсто того поступали съ прихожанами точно волки лютые. Объ томъ чтобы учить народъ, помогать ему и утѣшать въ бѣдствіяхъ какъ дѣлали апостолы — они и не думали. Забота у нихъ была одна — какъ-бы побольше содрать съ мужика. Приходить однажды къ попу мужикъ и просить похоронить умершаго; попь запросилъ 50 копѣекъ. Мужикъ былъ бѣдный, и 50 коп. ему взять негдѣ было. „Ну такъ не пойду,“ сказалъ попь. Тѣло умершаго лежало нѣскольکو дней, все загнило, черви въ немъ копошились; въ избѣ смрадъ такой, что сидѣть тамъ невозможно. А попь все таки не пошелъ, пока мужикъ ему 50 коп. не принесъ. Таковы были эти пастыри церкви Христовой.

Вотъ какъ плохо жилось народу при великой Екатеринѣ. Притѣсняли его и начальство, и помѣщики, и поны; брали съ него правдою и неправдою всякіе поборы и притѣсняли свыше мѣры.

Прежде Екатерины, въ Россіи царемъ былъ ее мужъ—Петръ Третій.—Онъ былъ пьяница и глуповатъ таки порядочно; но терпѣть не могъ поповъ и монаховъ. Вотъ, чтобы доѣхать ихъ, онъ и вздумалъ отобрать въ казну всѣхъ монастырскихъ и церковныхъ крестьянъ. Какъ прослышали объ этомъ мужики, имъ сейчасъ въ голову пришло, что сжалился надъ ними царь-батюшка, и что вотъ теперь далъ волю монастырскимъ, а потомъ дастъ волю и господскимъ крестьянамъ. Отъ того во многихъ мѣстахъ крестьяне перестали отбывать барщину и платить оброкъ. Однако Петръ Третій вовсе не думалъ давать имъ волю, а послалъ войско, чтобъ усмирять мужиковъ и заставить ихъ по прежнему работать на господъ.

Въ это самое время случилась вотъ какая исторія: Екатеринѣ самой захотѣлось царствовать въ Россіи, она подкупила гвардію и заперла мужа своего въ тюрьму, а сама сдѣлалась императрицей. Петръ Третій черезъ нѣсколько дней умеръ въ тюрьмѣ. Такъ оно и вышло, что крестьянъ усмирили уже при Екатеринѣ; да притомъ она снова отдала монастырскихъ крестьянъ монастырямъ.

Поэтому народъ такъ и вѣрилъ, что госу-

дарь Петръ Третій хотѣлъ будто освободить мужиковъ и уже началъ это дѣло, только дворяне и Екатерина помѣшали ему въ томъ и прогнали его съ престола. Отъ того народъ все не вѣрилъ, что Петръ Третій умеръ. Ходили, правда, слухи, что жена его отравила, да крестьяне считали, что это ужъ вовсе не возможно. Они думали, что Петръ Третій бѣжалъ, скрывается до поры; но что потомъ снова появится, завоюетъ себѣ престолъ—и дастъ волю крестьянамъ—какъ уже разъ, молъ, и хотѣлъ сдѣлать.

Не одинъ разъ являлись разные люди и объявляли себя за императора Петра Третьяго. Такъ въ Воронежѣ одинъ сапожникъ называлъ себя Петромъ Третьимъ. Тоже самое сдѣлалъ черезъ нѣсколько времени бѣглый орловскій солдатъ; а передъ самымъ Пугачевымъ, въ 1772 г. появлялся самозванецъ—казакъ Богомоловъ. Но всѣхъ ихъ скоро умирjali войскомъ и не давали времени развернуться. А народъ все ждалъ своего освободителя.

Такъ дѣло дошло до 1773 года.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ 1772 году, въ то самое время, когда на Яикѣ козаки бунтовали, въ казанскомъ острогѣ сидѣлъ арестантъ, присужденный къ ссылке въ Сибирь. Лѣтъ ему было тридцать два, ростомъ не высокъ, а очень широкоплечій; волосы и борода черные, какъ смола, только на бородѣ и сѣдой волосъ показывался. Лицо у него было некрасивое, но очень умное, носъ горбомя; а глаза такъ и бѣгали по сторонамъ. Хотя онъ былъ и средняго роста, но былъ очень силенъ, а главное—онъ былъ ловкій и бойкій къ тому еще.

Этаго арестанта звали—Емельянъ Ивановъ Пугачовъ.

Въ острогѣ всѣ любили Пугачова, потому что онъ былъ обходителенъ, и съ радостью помогалъ всякому. Совѣтъ ли кому нуженъ—никто лучше Емельяна Иванова не присовѣтуетъ. Деньги ли нужны—и деньги, коли есть, ссудить. За частую Пугачовъ помогалъ людямъ, да въ острогъ въ первый разъ попалъ ни за другое что, какъ за доброту свою. Ну, да объ этомъ рѣчь впереди.

Пугачовъ былъ не жаденъ къ деньгамъ. Случилась у него въ острогѣ пропаша: тридцать рублей денегъ пропало. Сталъ онъ искать ихъ, думалъ, что такъ, гдѣ нибудь, завалились; ну, а начальникъ тамъ какой то увидѣлъ и спрашиваетъ: „чего, моль, ищешь“. Пугачовъ и говорить, что деньги у него пропали. Начальникъ сейчасъ же сталъ обыскивать арестантовъ, хотя объ этомъ никто его не просилъ. Видитъ Пугачовъ, что попадется пожалуй кто нибудь изъ товарищей—и говорить: „не ищите, ваше благородіе, я уже отыскалъ свой деньги.“ Послѣ того онъ сказывалъ товарищамъ: „пусть, говорить, лучше деньги пропадаютъ, чѣмъ изъ за нихъ человѣку гибнуть. Онъ теперь поди самъ кается, что укралъ. Господь съ нимъ; я эти деньги за милостыню считаю.“ Послѣ этого товарищи еще больше полюбили Пугачова.

Кто же такой былъ Пугачовъ, и за что же онъ попалъ въ острогъ? Кажется, онъ и свое-то все радъ былъ другому отдать, а не то, что кого нибудь ограбить, или обокрасть. Какое же такое преступленіе онъ сдѣлалъ? Ну, вотъ мы теперь все это подъ рядъ и расскажемъ.

Емельянъ Ивановъ Пугачовъ былъ родомъ донской казакъ, Зимовейской станицы. Девят-

надцати лѣтъ отъ роду онъ женился на казачкѣ Недюжевой, а черезъ недѣлю послѣ свадьбы уже привелось ему идти въ походъ. Въ это время русскіе воевали съ пруссаками—за то, что прусскій король посмѣялся за глаза надъ русской императрицей! Вотъ за это довелось и Пугачову воевать. Ну, Пугачовъ хоть и былъ еще молодъ, а сѣумѣлъ службу свою справлять хорошо, и заслужилъ отъ начальниковъ похвалу. Онъ былъ очень смѣтливъ и любопытенъ: все ему хотѣлось узнать; онъ учился изъ пушекъ стрѣлять, смотрѣлъ, какъ ведутъ осаду крѣпостей, какъ работаютъ при этомъ инженеры. Все замѣтилъ Пугачовъ, и потомъ пригодилась ему эта наука.

Много и худаго увидалъ Пугачовъ; увидѣлъ онъ, какъ начальники обходятся съ солдатами, какъ они ихъ обкрадываютъ, какъ они ихъ за скотовъ считаютъ. Можетъ статья, впервой тутъ и понялъ молодой казакъ, что не совсѣмъ то ладно живется на свѣтѣ.

Черезъ годъ произошло замиреніе. Казаки воротились и четыре года Пугачовъ прожилъ послѣ того со своей женой. А черезъ четыре года казаковъ опять погнали, на этотъ разъ въ Польшу. Погнали ихъ вотъ за какимъ дѣломъ. Какъ раскольникамъ не стало житья въ Россіи,

такъ они бѣжали во множествѣ за русскую границу, въ разные царства. Бѣжали и въ Польшу. А въ это время Польша была уже очень слабымъ царствомъ и Екатерина дѣлала тамъ, что хотѣла, почти какъ въ своемъ собственномъ царствѣ. Такъ вотъ она и послала войско въ Польшу, чтобы ловить этихъ бѣглыхъ раскольниковъ и обращать ихъ обратно въ Россію.

Тутъ еще больше насмотрѣлся Пугачовъ, каково притѣсненіе начальства. Раскольниковъ выгоняли изъ ихъ слободъ, обирали до чиста, мучили всячески и гнали въ Россію. Много тутъ было пролито слезъ и крови, всячески проклинали раскольники — звѣря императрицу. Сердце болѣло отъ такого горя.

Между тѣмъ началась война съ турками, и четыре казачьихъ полка погнали туда; въ числѣ прочихъ пошелъ въ Турцію и Пугачовъ. Здѣсь Емельянъ Ивановъ отличился, получилъ первый чинъ — хорунжаго; да за то его такъ изранили, что онъ сдѣлался негоденъ къ службѣ, и его отправили лечиться на родину. Такъ вотъ онъ опять воротился на свой тихій Донъ.

Только не радостныя вѣсти услыхалъ онъ на своей родной сторонкѣ. Казаки рассказали ему, что царица начинаетъ шибко тѣснить ихъ,

хочетъ уничтожить казацкую волю и назначаетъ всякое начальство; ходили слухи, что вольныхъ казаковъ хотятъ въ солдаты поворотить. Казаки роптали промежъ себя, и многіе изъ нихъ бѣжали съ Дону. Сильно опечалили Пугачова такія вѣсти.

Одинъ разъ приходятъ къ нему нѣсколько казаковъ, въ томъ числѣ и его зять. Они объяснили Пугачову, что имъ не въ силу больше сносить притѣсненія начальства, и что они порѣшили бѣжать въ Турцію. Пугачова, какъ человѣка бывалаго, они просили рассказать имъ туда дорогу. Пугачовъ посовѣтовалъ имъ лучше бѣжать на Терекъ.—Рѣка Терекъ течетъ у самыхъ кавказскихъ горъ, и въ то время по обѣе стороны шли дремучіе, непроходимые лѣса. Въ этихъ лѣсахъ—по Тереку и жило множество бѣглыхъ казаковъ и крестьянъ; они съ радостью принимали всѣхъ, кто искалъ у нихъ притона, и никого не выдавали никогда. А взять ихъ силой начальство не могло, потому что до Терека было мудрено добратъся. Пугачовъ все это растолковалъ казакамъ и разъяснилъ имъ дорогу, какъ и куда идти. Тогда они стали просить, чтобъ онъ ихъ ужь кстати и черезъ Донъ переправилъ въ степь. Во то время очень

трудно было найти перевозчика, потому что начальство, чтобы крѣпостные не бѣжали отъ помѣщиковъ, подѣ страхомъ смертной казни запретило перевозить черезъ Донъ безъ разрѣшенія начальства. Однако Пугачовъ согласился помочь казакамъ и просилъ только, въ случаѣ чего, не сказывать, кто ихъ перевозилъ. Казаки, конечно, обѣщали. Тогда Пугачовъ перевезъ ихъ еще и разѣ, растолковалъ дорогу, и вернулся домой.

Повѣхали казаки, да только до Терека не доѣхали. Сбились съ дороги, проплутали нѣсколько дней въ степи, и наконецъ ихъ поймали. Ихъ сейчасъ представили начальству и стали допытывать, кто ихъ черезъ Донъ перевезъ. А тогда допрашивали не по нынѣшнему: коли кто не признавался въ чемъ, его били кнутомъ до тѣхъ поръ, пока не скажетъ всего, что требуется. Начали истязать казаковъ. Они не признавались. Только одинъ, зять Пугачова, не выдержалъ мученья и повинился. Разказалъ, что ихъ перевезъ Пугачовъ. Тогда въ Зимовейскую станицу послали сейчасъ приказаніе забрать Пугачова, и представить его по начальству, въ городъ Черкасскъ. Послѣ такого приказанія, станичный атаманъ—волей неволей—долженъ былъ

забрать Пугачова и отправить его. Но Пугачовъ съ дороги бѣжалъ...

И вотъ Пугачова лишили, стало быть семьи, родной избы, и долженъ былъ онъ скрываться отъ погони, переходя съ мѣста на мѣсто, какъ бродяга. И за что же это? Только за то что помогъ товарищамъ. Досадно ему стало. „Какое такое преступленіе я сдѣлалъ, думалъ онъ, за что они гонять меня, словно дикаго звѣря? Жилъ я весь вѣкъ честно, за это самое начальство на войнѣ мучился, да здоровье потерялъ. Такъ вотъ какъ награждаетъ царица своихъ слугъ. Ладно, нечего сказать.“

Когда онъ шатался по деревнямъ и по селамъ русскимъ, онъ увидалъ, какъ бѣдствуетъ мужикъ, какъ его начальство жметъ, какъ его помѣщикъ обираетъ. Увидалъ онъ, что всему вина начальство, богатые люди, да помѣщики, что они и его, честнаго казака, бродягою сдѣлали. И запало ему въ сердце злоба на всю эту жадную, злую ораву, притѣснителей народа...

Случилось ему какъ-то зайти разъ въ Черниговскую губернію, въ мѣстечко Добрянку, не подалеку отъ польской границы. Здѣсь повстрѣчался ему одинъ купецъ, раскольникъ. Кожевниковъ по имени. А раскольники въ то время сами

были въ гоненіи, понимали, какъ это сладко, и потому помогали, по мѣрѣ силъ, всякому, кого начальство преслѣдовало. Кожевниковъ принялъ Пугачова къ себѣ въ домъ, и говоритъ: „живи сколько хочешь, только съ осторожностью, чтобъ начальство не запримѣтило.“ Такъ Пугачовъ и сталъ жить у добраго человѣка. Здѣсь онъ встрѣтилъ еще одного бѣглаго солдата, Алексѣя Семенова—онъ бѣжалъ отъ офицеровъ—мучителей и тоже скрывался и жилъ у Кожевникова.

Частенько они втроемъ толковали, что плохое моль нынче житіе стало. Пугачовъ рассказывалъ, какъ притѣсняютъ казаковъ. Кожевниковъ — какое на раскольниковъ идетъ гоненіе; Семеновъ про солдатское житіе рассказывалъ.

Вернулся разъ Кожевниковъ со своей торговли, и говоритъ, что молва идетъ, что на Яикъ бунтъ, что козаки, говорятъ, убили своего генерала Траубенберга; что противъ нихъ войско отправлено. Однако чѣмъ дѣло кончится—не извѣстно.

„Вотъ, говоритъ Кожевниковъ, если бы ты, Емельянъ Ивановичъ, пошелъ бы на Яикъ, да уговорилъ казаковъ бѣжать въ Турцію. Яицкіе казаки всѣ старой вѣры, такъ и насъ бы съ собой захватили.. А то вѣдь житія нѣтъ пра-

вославленнымъ отъ гоненій. Я знаю, многіе бы съ радостью бѣжали, да однимъ опасно. Вотъ если бы Яицкіе казаки согласились вмѣстѣ бѣжать, тогда бы это ловко можно обстроить. Мы бы, купцы, и денегъ на проѣздъ дали, сколько потребуется. Хоть двѣсти тысячъ рублей.“

— „То ли еще можно сдѣлать, сказалъ Семёновъ. Ты вотъ, Емельянъ Ивановичъ, очень схожъ лицомъ съ покойнымъ императоромъ Петромъ Третьимъ; я его видывалъ въ Питерѣ, такъ ужъ знаю. Вотъ бы тебѣ объявиться императоромъ. Всѣ съ радостью пойдутъ за тобой, потому что уже терпѣнія не хватаетъ мужику. И сами бы пожили, да и православныхъ бы изъ бѣды выручили.“

Запали въ душу Пугачову эти самыя слова. Потолковали они межъ собой и порѣшили, чтобъ Пугачеву ѣхать и звать съ собой казаковъ въ Турцію, а коли можно, то и императоромъ объявиться. Но для этого нужно было поѣздить по Руси, повысмотрѣть, что народъ думаетъ, а бѣглому высматривать не съ руки. Вотъ Пугачовъ и задумалъ перемѣнить свое званіе, чтобы жить, не скрываясь. Это сдѣлать было не трудно. Раскольниковъ, коли они выходили изъ Польши назадъ въ Россію, тогда принимали безо-всякихъ

справокъ, выдавали имъ паспортъ, и позволяли селиться, гдѣ захотятъ. Потому Кожевниковъ и направилъ Пугачова въ Польшу. У раскольниковъ тогда вездѣ были вѣрные люди. На самой на границѣ жилъ одинъ старовѣръ, Коровка; укрывались у него бѣглецы и онъ переправлялъ ихъ за границу. Къ нему и направилъ Кожевниковъ Пугачова. Коровка переправилъ его за границу, а черезъ нѣсколько времени Пугачовъ ужъ открыто заявился русскимъ пограничнымъ чиновникамъ на границѣ и объявилъ себя польскимъ старовѣромъ.

„Такъ и такъ, желаю, молъ, возвратиться въ Россію, а поселиться желаю на Иргизахъ.“ Начальство ему сейчасъ выдало видъ, и Пугачовъ могъ уже, значить, жить, не скрываясь. Онъ даже имени не переимѣнилъ, а такъ и по новымъ бумагамъ остался Емельяномъ Ивановымъ.

На рѣкѣ Иргизѣ, (она въ Волгу впадаетъ), какъ разъ по срединѣ между Самарой и Саратовымъ, было въ то время нѣсколько раскольниковыхъ скитовъ — монастырей. Вокругъ монастырей стояло нѣсколько селъ и деревень; въ нихъ жили тоже раскольники. Тутъ на Иргизахъ и былъ главный раскольниковій притонъ; сюда со всѣхъ сторонъ они сходились, иные для

богомолья, а многіе для того, чтобы укрыться отъ начальства. Сюда отправился и Пугачовъ, потому что Яицкое войско было о бокъ съ Иргизами.

Кожевниковъ далъ ему письмо къ знакомымъ старовѣрамъ, и Пугачовъ сразу нашелъ себѣ пріютъ. Жилъ онъ сначала у монаха Филарета, потомъ перешелъ къ другому раскольнику, Василю Косому.

Толкаясь межъ людьми, Пугачовъ слушалъ, что они говорятъ, чѣмъ недовольны. Однажды отправился онъ въ слободу Мечетную, будто бы рыбу продавать. На рынкѣ народъ толковалъ про усмиреніе Яицкаго войска, — про то, какъ генералъ Фрейманъ рѣзалъ казакамъ уши, вѣшалъ ихъ, да въ тюрьмы сажалъ. Многіе говорили, что такъ жить невозможно, что этакъ никакого терпѣнія не хватитъ...

Слушалъ это Пугачовъ и сталъ со знакомыми казаками такія рѣчи вести:

„Больно уже народъ нынче терпѣливъ сталъ, въ прежнее время не такъ было. Вотъ у насъ, на Дону... Тоже было вздумали въ старое время какъ то казаковъ притѣвнять. А былъ у насъ въ тѣ поры удалой казакъ, Некрасовъ. Вотъ Некрасовъ и говорить:

„Атаманы молодцы, не хочетъ насъ царь жаловать, не уважаетъ онъ славныхъ казаковъ. Уйдемте, братцы, въ Турцію; султанъ насъ съ радостью приметъ, удалые казаки вездѣ свое счастье сыщутъ.

„Ну и ушли. Султанъ имъ землю отвелъ, льготы разныя далъ. Такъ и по сейчасъ живутъ свободно, безъ прижимки. Вотъ и теперь бы также надо сдѣлать.“ Казаки отвѣчаютъ ему, что это на дѣло похоже, что точно слѣдуетъ уйти, да куда только идти? Пугачовъ и говоритъ, что можно уйти на Лабу рѣку, что у него есть и деньги на дорогу, двѣсти тысячъ рублей, только надо будетъ съ собой старовѣровъ забрать, кто захочетъ.

Отправился онъ послѣ того домой; а по Мечетной и пошли разговоры объ томъ, чтобы бѣжать на Лабу, слухъ и дошелъ до начальства. Начальство сейчасъ стало слѣдствіе производить; забрали множество народу въ Мечетной, стали ихъ кнутомъ бить и пытать, кто дѣлу зачинщикъ, кто смущалъ народъ. Которые и не вытерпѣли кнута и признались, что смущалъ ихъ Пугачовъ. Тогда забрали и Пугачова. Онъ не признавался. Стали его бить кнутомъ; но сколько ни истязали его, онъ не винился, — не таковъ

челокѣкъ. Тогда начальство само составило фальшивую бумагу, что будто бы онъ признался и отравило его за то, что народъ бунтовалъ, въ Казань, въ острогъ, а оттуда велѣло препроводить въ Сибирь. Вотъ какъ поналъ Пугачовъ въ казанскій острогъ.

Идти въ Сибирь Пугачову не было охоты, да и бѣжать въ Турцію онъ отдумалъ. Скитаясь по Руси, онъ слышалъ вездѣ жалобы на тяжкія притѣсненія помѣщиковъ и начальниковъ; онъ видѣлъ, что народъ готовъ подняться на своихъ утѣснителей, бываетъ даже и подымается, да толку изъ этого не выходитъ, потому что села поднимаются въ одиночку, а не вся Русь. Пугачовъ и задумалъ поднять ее, рѣшился отомстить за народъ, отомстить и свои обиды, освободить народъ изъ неволи. А не удастся, такъ хоть проучить малость господъ дворянъ, да начальниковъ. Онъ задумалъ „тряхнуть Москвою.“

Крестьяне тѣмъ временемъ не вѣрили, что Петръ Третій померъ, они думали, что онъ живъ, что онъ опять вернется на царство и поможетъ имъ. Бывали даже не разъ самозванцы, назывались Петрами, но имъ все какъ то не удавалось. Пугачовъ думалъ, что съумѣетъ лучше повести это дѣло, и рѣшился назваться императоромъ

Петромъ Третьимъ. Время было для этого самое подходящее; лучше нельзя и желать: Екатерина вела тяжелую войну съ Турціей и Польшей; войска большою частью ушли за границу. Стало быть бунтъ усмирять будетъ нечѣмъ. Народъ разорался отъ податей и рекрутчины и готовъ былъ взбунтоваться. На Дону и на Яикѣ казаки были недовольны притѣсненіями царскими. Однимъ словомъ, все одно къ одному подошло, чтобы бунтъ вышелъ удачный.

Надо думать, самъ Пугачовъ мало полагался на успѣхъ. Только что жъ, если бунтъ выйдетъ и неудаченъ? Развѣ не успѣетъ за это время народъ отомстить свои обиды, развѣ не истребить онъ множество „собачьяго рода“ — дворянъ? Хоть минуточку, да поживетъ народъ на всей своей волѣ, и докажетъ своимъ врагамъ, что русскіе мужики не стадо барановъ, а люди вольные, и умѣютъ жестоко отплачивать своимъ притѣснителямъ. Надо было хоть острастку на будущее время задать. Изъ за этого одного стоитъ потрудиться, за такую потѣху, за такую острастку не жалъ и голову сложить. По крайности проживешь со славою, умрешь съ честью и оставишь по себѣ память въ честномъ народѣ. Можетъ быть, кто нибудь черезъ много лѣтъ, услыхавши

разсказъ, самъ почувствуетъ силу, тоже дѣло начнетъ, да подумавши, отчего первый бунтъ не задался, напередъ уже лучше дѣло поведетъ. По всему видно, что такъ разсуждалъ Пугачовъ, замышляя въ казанскомъ острогѣ начать бой на смерть съ великою русскою государыней, которой боялись сильнѣйшіе короли.

Стало быть, Пугачову надо было бѣжать изъ острога. Его друзья, раскольники, написали въ Казань одному тамошнему куincu, Щелокову, чтобы онъ позаботился объ Емельянѣ. Щелоковъ нѣсколько разъ навѣщалъ его въ острогѣ и ссудилъ деньгами. Но Пугачовъ съумѣлъ бѣжать и безъ его помощи.

Между острожными солдатами онъ намѣтилъ одного малоросса. Этотъ малороссъ питалъ страшную злобу на русское правительство. Малороссовъ тогда еще недавно только лишили ихъ воли и они еще не забыли о ней. Солдатъ малороссъ, намѣченный Пугачовымъ, питалъ ненависть къ Екатеринѣ за то, что она закалила вольный казацкій народъ. Пугачовъ сдружился съ этимъ малороссомъ и подговорилъ его бѣжать вмѣстѣ. А кромѣ того былъ еще въ острогѣ одинъ раскольникъ, Дружининъ. Онъ тоже согласился бѣжать.

Побѣгъ свой они согласились устроить такъ: У Дружинина былъ въ Казани сынъ. Дружининъ приказалъ ему быть въ такомъ то мѣстѣ, въ такой то день, съ повозкой; а самъ въ этотъ же день, вмѣстѣ съ Пугачовымъ, отпросился у острожнаго начальства милостыню собирать по городу. Въ провожатые имъ дали двухъ солдатъ: малоросса, что съ ними бѣжать согласился, да еще другаго. Въ городѣ они напоили допьяна этого другаго солдата и пошли будто домой, въ острогъ. По дорогѣ встрѣтили, будто нечаянно, сына Дружинина съ повозкой. Вотъ Пугачовъ и сталъ для вида просить его: „Подвези, молъ, насъ до острога.“ — „Ладно, отвѣчаетъ, отчего не подвезти. По пятаку съ рыла дадите?“ — „Можно,“ отвѣчаетъ Пугачовъ. Усѣлись они вмѣстѣ съ солдатами въ повозку и поѣхали, да не въ острогъ, а изъ города. А какъ выѣхали за городъ, на поле, Арскимъ называется, Пугачовъ и говоритъ пьяному солдату: „Ну, братъ, мы далѣе ѣхать думаемъ, а тебѣ пора и въ острогъ ворочаться. Вылѣзай.“ Тотъ и глаза выпучилъ: „Что такое, ребята?“ — Однако они высадили его изъ повозки. „Счастливо, молъ, оставаться, кланяйся въ острогъ нашимъ товарищамъ. Спасибо за проводы.“

Ударили по лошадямъ; только и видѣлъ ихъ солдатъ.

Нѣсколько времени они ѣхали съ солдатомъ и Дружининымъ; а потомъ повстрѣчалъ Пугачовъ своего товарища одного, Кандалинцева; онъ, ѣхалъ на Иргизы. Это было по дорогѣ на Яикъ, а потому Пугачовъ отправился уже съ Кандалинцевымъ; только на Иргизы онъ уже не поѣхалъ, а прямо на Яикъ и поселился у знакомаго казака, по прозванію — Еремкинъ Курица.

Еремкинъ Курица жилъ въ степи на хуторѣ. Мѣсто было пустынное, у него и скрывалось много яицкихъ казаковъ. Въ это время генералъ Фрейманъ только что усмиривъ казаковъ и всячески казнилъ ихъ; а тѣхъ, кто грабилъ домъ Траубенберга, обложилъ большими штрафами. Этихъ денегъ казакамъ взять было негдѣ, а потому множество казаковъ бѣжало и скрывалось по разнымъ мѣстамъ. — Вотъ и къ Еремкину Курицѣ многіе пришли. Горько жаловались казаки на свою долю.

„Жили мы, говорятъ, тихо, мирно, въ довольствѣ. Никого, кажется, не обижали, никакого зла не дѣлали. Съ чего же это царица нашему счастью позавидовала, зачѣмъ она понасылала къ намъ этихъ грабителей начальниковъ? Стали

они насъ давить да обирать... Развѣ можно это терпѣть? Вѣдь мы долго добромъ просили Траубенберга по справедливости поступать. Какъ же его не убить: собакѣ и смерть собачья! А теперь за этого подлаго нѣмца сколько казаковъ погибло; да и мы сами покуда не пойманы, по тѣхъ поръ и цѣлы. А изловять, такъ тоже не миновать острога либо Сибири. Горькая доля наша: некому за насъ заступиться. Остается только бѣжать изъ родимой стороны отъ злой царицы. Да и бѣжать то некуда!“ Пугачовъ слушалъ эти рѣчи и видитъ, что поднять казаковъ на бунтъ не трудно. Поэтому онъ объявилъ Еремкину Курицѣ и нѣсколькимъ казакамъ, что, молю, „Я императоръ Петръ Третій; моя жена возмутилась противъ меня, хотѣла убить меня, но я спасся бѣгствомъ. Долгое время скрывался я по разнымъ мѣстамъ и видѣлъ, что вездѣ народъ обиженъ начальствомъ и дворянами, и поэтому рѣшился опять взойти на царство, чтобы помочь народу. Не пришло мнѣ еще время, но, коли казаки поддержать меня, то попытаюсь, пожалуй. И когда добуду свой престолъ, то награжу и удовлетворю всѣхъ обиженныхъ, а притѣснителей накажу лютою казнью.“

Казаки этому разсказу не больно повѣрили;

однако сказали, что подумаютъ. Черезъ нѣсколь-
ко времени казакъ Короваевъ пріѣхалъ къ Пу-
гачову и сказалъ, что нѣсколько казаковъ
желаютъ его видѣть и ждутъ его въ степи.
Пугачовъ поѣхалъ: въ степи его ждалъ одинъ
Шигаевъ, тотъ самый, что въ бунтѣ противъ
Траубенберга дѣйствовалъ. Только, какъ они
стали рассказывать, анъ ѣдетъ Мясниковъ и
Чика.

„Это люди ненадежные, говоритъ Шигаевъ,
особенно Чика; ты спрячься.“

Пугачовъ спрятался. Чика съ Мясниковымъ
подѣхали и спрашиваютъ:

„Зачѣмъ вы сюда пріѣхали?“

— Звѣря бить—говоритъ Короваевъ. Засмѣ-
лся Чика:

„Не звѣря бить, говоритъ, а людей обманы-
вать пріѣхали вы. Кажи намъ государя!“

Нечего дѣлать: Пугачовъ вылезъ. Однако
Чика и Мясниковъ, хоть и не вѣрили, что
Пугачовъ императоръ, а все же согласились
признать его. По малу стали приставать къ нимъ
и другіе казаки. Они порѣшили ѣхать по ста-
ницамъ и хуторамъ, вездѣ объявлять о появле-
ніи императора, который, молъ, хочетъ всту-
питься за народъ...

Пугачовъ же перебрался на хуторъ къ Кожевникову; имъ привезли сюда матеріи разноцвѣтной и они начали дѣлать знамена и значки. Самому Пугачову привезли кафтанъ зеленый, шапку и весь нарядъ, новый и хорошій.

Казаки по всѣмъ мѣстамъ приняли съ радостью вѣсть объ Петрѣ Третьемъ. Многіе изъ нихъ не вѣрили, что Пугачовъ взаправду императоръ, но все таки соглашались идти за нимъ. Число заговорщиковъ шибко увеличивалось.

Однако слухи о появленіи императора дошли и до начальства. Оно переполошилось, стало разыскивать самозванца; такъ что Пугачовъ перебрался отъ Кожевникова въ самое глухое мѣсто, на рѣку Усиху. Тогда Симоновъ, начальникъ Яицкаго городка, началъ хватать всѣхъ, кто говорилъ объ императорѣ, началъ пытать ихъ... Забралъ между прочимъ брата Кожевникова. Такимъ образомъ въ скорости Симоновъ разузналъ, что самозванецъ — Пугачовъ; узналъ даже, что онъ живетъ на Усихѣ. Тогда на Усиху сейчасъ же онъ отправилъ отрядъ войска, чтобы схватить Пугачева.

Пугачовъ съ казаками думали начать бунтъ послѣ Покрова когда начнется плавня. А плавнею у яицкихъ казаковъ называется ловъ рыбы.

Два раза въ годъ рыба поднимается изъ моря вверху по рѣкѣ; въ это время всѣ казаки выходятъ на ловлю; каждой станицѣ (деревнѣ) назначается особый участокъ на рѣкѣ, и станица ловить рыбу сообща, а потомъ рыба дѣлится по ровну между всѣми жителями; даже старикамъ и вдовамъ даютъ долю, хотя въ ловлѣ они и не участвуютъ.

Во время плавни всѣ казаки собираются на берегахъ Яика. Вотъ Пугачовъ и думалъ объявиться въ это время, возмутить казаковъ, схватить старшинъ... Но когда начальство послало войско на Усиху, то, значить, ждать плавни уже было не съ руки. Рѣшено было сейчасъ же начать бунтъ. „Коли наберется человѣкъ двадцать, сказалъ Чика, такъ думать долго нечего. Идемъ со славою на Яицкій городокъ.“ — Такъ и порѣшили.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Восемнадцатаго Сентября 1773 года партія не людная бунтовщиковъ выступила съ Усехи. Казаковъ было только 20 человекъ; всѣ они были на коняхъ. Впереди ѣхалъ Пугачовъ въ зеленомъ кафтанѣ, на бойкой лошади. Восемь цвѣтныхъ значковъ было насажено на казачьихъ коняхъ; позади Пугачова конный казакъ везъ большое бѣлое знамя съ краснымъ осмиконечнымъ крестомъ. Они держали путь по направленію къ Яицкому городку.

По пути лежалъ Кожихаровъ форпостъ. Въ то время на границѣ Киргизскихъ степей было множество маленькихъ укрѣпленій. Эти укрѣпленія часто состояли только изъ высокаго плетня и рва; въ каждомъ укрѣпленіи было нѣсколько десятковъ казаковъ и одна либо двѣ пушки. Эти городки назывались форпостами; они должны были защищать Россію отъ набѣговъ татарскихъ ордъ. Вотъ къ одному изъ такихъ форпостовъ, Кожихарову, приближался теперь Пугачовъ со своими товарищами.

Пугачовъ приказалъ своему писарю, Почиталину, написать манифестъ и отослалъ онъ его на форпостъ: — „Божіею милостію, говорилось въ манифестѣ, Мы, Петръ Третій, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и проч. и пр и пр. симъ объявляемъ во всенародное извѣстіе, что, спасшись чудеснымъ образомъ отъ смерти, и видя всеобщее народа утѣшеніе и разореніе, и отъ дворянъ угнетеніе, вознамѣрились Мы возвратить Себѣ Престолъ предковъ Нашихъ и даровать Нашимъ любезнымъ вѣрноподданнымъ всѣ льготы казацкія и крестьянскія. Вѣрныхъ Нашихъ казаковъ жалуетъ Мы, Великій Государь, крестомъ, бородой, рѣками и землями и рыбными ловлями; порохомъ и пулями, и всякимъ оружіемъ казацкимъ, беспошлинной солью и вѣчною волею.

Любозныхъ Нашихъ подданныхъ, всероссійскихъ крестьянъ, жалуетъ Мы землею и волею, освобождаемъ ихъ отъ крѣпости, освобождаемъ ихъ на девять лѣтъ отъ рекрутчины, уменьшаемъ подати до трехъ копѣекъ съ души. Подданнымъ же Нашимъ, дворянамъ и помѣщикамъ, объявляемъ Мы, Великій Государь Всероссійскій, что они прогнѣвали Насъ своими неправдами и народнымъ разореніемъ; приказываемъ имъ

возвратить всѣ земли крестьянамъ, а крестьянъ отпустить на волю и никакихъ поборовъ съ нихъ впредь не имѣть. Буде же они, невѣрные дворяне, Нашего Царскаго Указа не послушаютъ и Нашей непремѣнной воли не исполнять, то предадимъ ихъ всякимъ мукамъ, и лютой казни. А кто отъ неправды своей откажется, тѣхъ жалуетъ Мы службой у Насъ, Великаго Государя. Супругѣ же нашей, яко осмѣлившейся свергнуть Насъ, Великаго Государя, и покусившейся на жизнь Нашу, объявляемъ Наше приказаніе — оставить престолъ Всероссійскій и постричься въ монахини. Буде же она сего не исполнить, то ждать ей великаго гнѣва и наказанья Нашего.

Объявляемъ всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ, чтобы по прочтеніи сего Нашего Манифеста, они шли въ Наше Царское войско; а жалованія даемъ имъ 4 рубля въ мѣсяцъ. А кто въ Наше Царское войско не пойдетъ, тѣмъ приказываемъ отбирать земли у помѣщиковъ, искоренять дворянъ и начальниковъ и устанавливать всякій добрый порядокъ. Въ удостовѣреніи чего Мы, Великій Государь, Петръ Третій, къ сему указу руку приложили.“

Такой манифестъ былъ посланъ на Кожиха-

ровъ форпостъ, а также въ другія мѣста. Черезъ нѣсколько часовъ, изъ разныхъ мѣстъ присоединились къ „арміи“ Пугачова еще до 120 человекъ.

Тѣмъ временемъ подошли къ Яицкому городку. Крѣпостью командовалъ Симоновъ, человекъ храбрый и распорядительный. Завидѣвъ городъ, Пугачовъ велѣлъ своему войску выстроиться въ одну линію, въ рядъ, чтобы ихъ больше казалось. Знамена развернули, и пугачовцы стали стройно подходить къ городу.

Симоновъ уже зналъ, что идетъ Пугачовъ и выслалъ ему на встрѣчу до трехъ тысячъ казаковъ; а на мосту, по которому приходилось идти въ городъ, Симоновъ поставилъ солдатъ и нѣсколько пушекъ. Пугачовцы смѣло двинулись впередъ; два казака поскакали въ городъ съ манифестомъ...

Между тѣмъ казаки, которыхъ выслалъ Симоновъ, стали переходить къ Пугачову. Симоновъ не зналъ, что ему дѣлать. Выйти противъ бунтовщиковъ; тогда взбунтуются жители въ городѣ. Поэтому онъ отослалъ обратно въ городъ казаковъ, и солдатъ, и пушки; по всѣмъ улицамъ караулы поставилъ: „Пусть, думаетъ, бунтовщики, что хотятъ за городомъ дѣлають, а я по

крайней мѣрѣ городъ соблюду, и городскихъ жителей до бунта не допущу.“ Заперся онъ такимъ образомъ въ городѣ, а Пугачовъ въ полѣ стоялъ.

Когда казаки отступили, то нѣкоторыхъ изъ нихъ пугачовцы взяли въ плѣнъ. Это были казаки „старшинской руки“; во время бунта противъ Траубенберга, они шли противъ своихъ и держали дорогу начальства. Поэтому теперь ихъ сейчасъ присудили повѣсить.

„Атаманы молодцы! сказалъ Пугачовъ, зачѣмъ понапрасну кровь проливать?“

— Да мы, ваше величество, отвѣчали казаки, крови ихъ не будемъ проливать: мы ихъ повѣсимъ. Они сами казаки, а заступались за измѣнниковъ старшинъ, шли противъ своихъ же братьевъ... Неужто ихъ миловать послѣ этого? Нельзя, ваше величество.“

— „Пусть они присягу примутъ, будетъ и этого,“ повторилъ Пугачовъ.

— „Мы имъ не вѣримъ.“

— „Не погрѣшите, атаманы молодцы, да безвинныхъ людей не повѣсьте.“

— „Мы знаемъ, ваше величество, кого казнить, кого миловать они же со старшинами насъ казнили.“ Такъ и повѣсили измѣнниковъ для примѣра прочимъ.